

29 МАЯ 40 9

Маленький фельетон

346 □
Директор
у пульта

Недавно в Колонном зале Дома союзов состоялся опереточный концерт. Публика пришла слушать Вах и Новикову, Володина и Качалова, а конференсье почему-то усердно пропагандировал дирижера.

Буквально перед каждой арией он появлялся на авансцене и, восторженно глядя на человека за пультом, торжественно возглашал, точно перед ним был сам Тосканини:

— Акомпанирует оркестр под управлением художественного руководителя Московского театра оперетты Николай Георгиевич Александров!!!

И начинал востушеливо бить в ладоши. В зале раздавалось несколько вежливых ответных хлопков. Дирижер обращившись к публике и надменно кивал головой. Такой великолепный кивок вряд ли удавалось даже самому Тосканини, не говоря уже о Стоковском...

Нужно, правда, сказать, что этот кивок — единственное в дирижерской технике, чем в совершенстве владеет Александров.

Поведение конференсирующего артиста оперетты Аликеева станет более ясным, если мы напомним, что Николай Георгиевич не просто дирижер, а художественный руководитель театра, и не только худрук, но и полномочный директор.

Ну как не порадовать такому многогранному человеку!

Дирижерская карьера Александрова несколько необычна. До своего назначения директором он близко не подходил к пулту. Специальной подготовки у Николая Георгиевича нет. Вообще вся его деятель-

ность доселе протекала на административных постах, и никто не мог даже предположить, что в один прелестный день в Александрове проснется дирижер...

Уже назначение его худруком оперетты вызвало всеобщее недоумение. В художественном руководителе мы привыкли видеть дирижера или режиссера с большим творческим опытом. Если во главе крупнейшего московского театра стоит народный артист СССР Владимир Иванович Немирович-Данченко, то ведь и самый крохотный столичный театр имени Ермоловой возглавляется народным артистом СССР Николаем Павловичем Хмельным.

Почему же оперетту постигла такая сиротская доля? Почему ей в духовные отцы дали человека, который, соборноно говоря, никакого отношения к «легкому жару» не имел.

Новый директор быстро вошел во вкус творческой деятельности. На глазах растерявшейся публики он стал дирижировать. Воли бы Александров надел балетную пачку и вышел танцевать лебедя в «Лебедином озере», это не вызвало бы такой паники, как появление его за пультом.

Сначала все приняли это за шутку. Потом, так сказать, за «пробу пера». Наконец, убедившись, что дело значительно серьезней. Оркестранты утверждают, что дирижер Александров понятия не имеет о дирижерском искусстве — он не ведет оркестр, а только эдаконку ему машет палочкой.

Актеры же говорят, что когда дирижует директор, они чувствуют себя, как клиент в парикмахерской, на бороде которого ученик брадобрейного техникума проходит производственную практику.

Все это видят, все это знают, но, как говорится, куда пойдешь, кому скажешь? Ведь дирижер Александров близок худруку Александрову и даже директору Александрову...

А при таких условиях трудноато покажет управу у одного на другого.

Немудрено, что Николай Георгиевич распоряджается в театре решительней, чем Эдлер в клетке со львами. Пользуясь своей административной властью, он полностью оккупировал дирижерский пульт. Опытный дирижер Фукс-Мартин смят и отселен на заранее неподготовленные позиции.

Даже когда телевизионный центр устраивает телепередачу «Цыганской любви», оперетты, которой в театре недавно дирижует Фукс-Мартин, то и тут Александров попросту вырывает клавиш на рук коллеги и сам выходит демонстрировать всему миру овой надменный дирижерский кивок.

Николай Георгиевич весьма склонен к концертам на стороне. В его положении иметь их не трудно: Скажем, Ленгосстрада желает пригласить артистов московской оперетты на несколько гастролей в Ленинград. Ну, конечно, директор Александров не станет откусывать в разгар сезона лучших актеров, несущих репертуар!

Тогда одновременно с неюцами приглашает дирижер Александров. Это другое дело! И в разгар сезона директор, худрук и главный дирижер орыгает о ролей ведущих исполнителей и мчится с ними на заработки в Ленинград.

А в Москве, случалось, в эти дни основные партии пели артисты хора.

Но и это еще не все грани александровского дарования. Его ранозахарактерная деятельность поистине достойна изучения. Однажды он дирижировал дневным спектаклем «На берегу Амура». Вдруг после второго акта дирижер посмотрел на часы, ахнул и кинулся вон.

— Куда, куда вы, Николай Георгиевич? — вывопили оркестранты вслед ускользающему руководителю.

Но тот только руками заматах.

— Не могу, не могу, товарищи! Мне сейчас лекцию читать...

— Какую лекцию?! О чем?! Где?!

— О советском праве!.. В институте.. Пусть кто-нибудь додирижирует, а я по-бегу!..

И он исчез, захватив по рассеянности ноты Блантера вместо процессуального кодекса.

Этот торопливый кросс — прямо от опереточного пульта к юридической кафедре — невольни вызывает улыбку. От такого чрепещур близкого соседства Марицы и трипруденции безусловно проигрывает и Марица и трипруденция...

История знает случаи самого невероятного совместительства. Воровин был музыкант и химик. Леонардо да-Винчи совмещал в себе художника о ученым. Ломоносов писал стихи и научные трактаты. По свидетельству Пушкина, Петр Великий был «то академик, то герой, то мореплаватель, то плотник».

Но ведь это все-таки был Петр и притом Великий!

Особого величия в деятельности Александрова пока не усмотрено. Но даже если бы в нем было нечто от Леонардо да-Винчи, то и тогда он вряд ли справился бы со всеми своими нагрузками.

Не может же в самом деле художественный руководитель музыкального театра вести работу о большим коллективом артистов, когда ему надо еще репетировать о оркестром, подписывать денежные документы, читать лекции о праве и подхалтуривать в Колонном зале...

Вероятно, на этой строке Александров даже обрывается:

— Ага! Вот видите! Сами признаете! Конечно, легко быть просто хорошим директором и только!..

Но тут нам придется возразить:

— Нет, нет, совсем не легко! Гораздо легче быть и плохим дирижером, и плохим худруком, и плохим директором одновременно.

ЕВГ. ВЕРМОНТ